

тическому первенству в Азии, европеецъ захочетъ японца, преобрѣтательно отвѣщается отъ такихъ побѣдъ. Ибо побѣдою надъ собою окунаются побѣды надъ врагами, самонуточкенемъ, поднимъ игнорированиемъ своего, „я“ добываются новыя территоіи. Счастье государства противопоставляется счастью гражданъ. „Богъ съ ними, съ такимъ счаствемъ“—разсуждаетъ европеецъ.... И рѣшительный приступаетъ къ переображенію правъ личности... Леонидъ не Ибенъ. Это рядовой драматургъ общеевропейского типа, болѣе ренесанснаго, чѣмъ художникъ, ужъ со всѣмъ не философъ. Но онъ набралъ на жилю и яркую тему, и успѣхъ его пьесы совершенно напрасно беззоконъ стоялъ, „серебряный театра“. Если роль театра—будить мысль, то „Тайфунъ“ болѣе „серебрянъ“, чѣмъ „гвозди сезона“, вынужденные официально признанными „серезными драматурами“.

Ю. Волинъ.

„Этуали.“

На парижскомъ литературномъ горизонте новая звезда...

Руль.

Михаиль Меньшиковъ утеръ послѣдній туморомъ „Нового Времени“ благородную слезу, показавшуюся на симпатичныхъ лапахъ новоремесленскаго лудушки, и призадумалъ...

Было отчего.

На литературно-политическомъ горизонте появилось новое свѣтло:

— Меньшиковъ.

И хотѣ это было! Леонидъ, но, принимая во внимание общность фамилии и амплуа, Михаиль Меньшиковъ понялъ, что дѣло дѣлано.

Такова ужъ логика природы, что восходящее свѣтло всегда имѣетъ больше поклонниковъ, чѣмъ заходящее.

Меньшиковъ понималъ, что онъ „заходитъ“

Это было видно и по отношению къ нему старика Суворина, и по отношению къ нему читателей, и по отношению къ нему же охранки.

Не было того пріятнаго „искательства“, которое всегда такъ хорошо щекотало деликатное самолюбіе новоремесленскаго публициста.

И обойдѣлъ всего,—Михаиль Меньшиковъ самъ отличился сознавать,—что въ отношении провокаций петербургскому Меньшикову невозможно было конкурировать съ парижскимъ Меньшиковымъ.

Это, такъ сказать, пагантованный, прилежный провокаторъ, до которого Михаиль Меньшиковъ,—онъ чувствовалъ, —дѣлалъ!

И хотя справедливость требуетъ сказать, что въ провокационной работѣ изъ Михаила Меньшиковымъ числится не мало заслугъ, но...

Михаиль Меньшиковъ грустилъ.

— Главное, каналья,—разсуждалъ петербургскій Меньшиковъ,—это новый Меньшиковъ, чѣть бѣгою побѣдитъ, —когда какъ взялъ!.. Слава—надѣло, отъ охранки къ эсъ-эрамъ... А я какъ разъ наборъ!—

Всегда Михаиль Меньшиковъ садѣлъ въ наборъ горячій фельетонъ, въ который онъ вложилъ всю свою душу.

Тутъ были и широры вообще, и „жиды“ въ частности, у которыхъ необходимо было спрятать по сему шкѣру сороки и сороки почекъ, и „хукарины“ двѣти, которыхъ не слѣдуетъ допускать къ гимназии на пущечный выстрѣлъ.

И щедрѣи кристально-провокационного характера съ краснѣющимъ отѣнкомъ иѣнъ-наго доноса.

Словомъ, фельетонъ, который долженъ быть произведѣнъ фуроръ.

Не газетный номеръ, а прямо фейерверкъ, каскадъ огненныхъ огней.

Меньшиковъ развелъ всѣ свои литературные пары и на всѣхъ парусахъ мчалъ, чтобы устроить аварію своему коварному сопернику—Меньшикову.

Когда ночью Михаиль Меньшикову дали для просмотра его гравки, онъ побѣжалъ, и на его головѣ заплевались волосы.

Рядомъ съ его статьей красовалась краткая, но содержательная агентская телеграмма изъ Парижа:

„Провокаторъ Леонидъ Меньшиковъ газеты предложили колоссальный гонорарь за его статью. О Меньшиковѣ говорить во всѣхъ салонахъ, дипломатическихъ, литературныхъ кружкахъ... Ожидается сенсаций.“

Всѣе ничего.

Но Михаиль Меньшиковъ понялъ, что его пѣсня спѣта, что онъ уходитъ изъ здѣй пѣсни.

У Михаила Меньшикова зарыбило въ глазахъ.

Онъ какъ-то сразу осунулъся, дико вытаращилъ глаза и, какъ синъ, рухнулъ на полъ.

Уста слабо шептали:

— Меньшиковъ... Меньшиковъ...

Въ редакцію „Нового Времени“ по телефону вызвали карету скорой помощи.

В. Дарскій.

ЗЛОБЫ ДНЯ.

Первый подарокъ.

Когда заканчивается та или иная думская сессія, и уѣзжающіи домой депутаты спрашиваются:

— Что вы дали странѣ, господа народные избраники?

Члены Думы дѣлаютъ загадочное лицо и отвѣчаютъ:

— Пока—ничего, но... въ будущую сессію мы дадимъ законопроектъ о неприкосновенности личности.

Если помните, то съ этими же благими намѣреніями Дума разѣхалась и на лѣтнюю вакацию.

И вотъ вчера развертывалъ московскій газеты и нахожу въ нихъ первый подарокъ, который А. И. Гучковъ спѣшилъ преподнести русскому обществу:

— Законопроектъ о неприкосновенности личности въ осеннюю сессію Думы разсмотрѣть не будеть.

— Почему?

— Потому,—отвѣчаетъ интервьюеръ лидеръ октябрьстовъ,—что, во-первыхъ, не когда. А во-вторыхъ, что все равно поѣмъша право.

Въ старой-престарой малороссийской газетѣ Котляревскаго „Натали-Полтава“ одинъ изъ персонажей—пашъ Возный—заявляетъ:

— Чуть не съ первого дня своего рожденія оно было склонено къ дѣламъ дѣламъ. Но „за недосмотръ“ не успѣло сдѣлать ни одного изъ нихъ. Такъ и со-старился.

Этого пана Возного сильно напоминаетъ и наше думское большинство.

Оказывается, что оно тоже очень склонно къ „дѣламъ дѣламъ.“ Спѣть и видѣть, причемъ пѣкторы зерна носили на себѣ красноватый цѣѣтъ, напоминалъ рѣдкое явленіе въ природѣ, извѣстное подъ именемъ „кроваваго дождя“.

Стеклянная крыша надъ Государственной Думой. Работы по сооруженію промадной 4-хъватной желѣзо-стеклянной крыши надъ заломъ засѣданій Государственной Думы почти закончены. Обширный залъ уже покрытъ пирамидальнымъ колпакомъ. Оставъ колпака сдѣланъ изъ желѣзныхъ фермъ съ переплетами, заполненными стеклами. Подъ пирамидальной крышей находится еще потолокъ, сооруженный изъ желѣзныхъ переплетовъ, заполненныхъ матовыми стеклами «гуль» говоритъ, что внутренний видъ Раѣформа эта произведена по образцу организованія германской арміи, въ которой съ боевыми подготовками венчалась слава.

«Кровавый дождь». По словамъ «Руля», надъ Петербургомъ 18-го сентября, изъ 15 часъ дня прошелъ крупный градъ; длился онъ минуты четыре, но зерна, величиною въ кедровые орѣхи, держались на сушахъ на Невѣ, не растапливались, около 10 минутъ, причемъ пѣкторы зерна носили на себѣ красноватый цѣѣтъ, напоминалъ рѣдкое явленіе въ природѣ, извѣстное подъ именемъ „кроваваго дождя“.

Коллекція китайскаго оружія. По словамъ московскихъ газетъ, отдѣльный корпъ пограничной стражи сообщалъ академіи наукъ, что начальникъ заамурскаго округа отдѣльного корпуса пограничной стражи приносить въ дѣль академіи оружіе, частью отбитаго отъ хунгузовъ, частью захваченного въ время боксерскаго движения въ Китаѣ.

А. И. Куинджи—изобрѣтатель. Съ М. С. сообщаетъ, что на дниахъ, при которыхъ изобрѣтатель былъ въ октѣбрьстовъ—большинство. И, съдовательно, уже по одному этому скандалу со стороны меньшинства имъ можно было бы бы опасаться.

Но октѣбрьсты—народъ очень впечатлительный. И сейчасъ же пугаются:

— А вдругъ Пурпинкевичъ упадетъ въ обморокъ?.. Или сдѣлается ударъ Марса?

И все идетъ на смарку. Дѣламъ дѣламъ разбиваются.

Правда, у октѣбрьстовъ—большинство. И, съдовательно, уже по одному этому скандалу со стороны меньшинства имъ можно было бы опасаться.

Но октѣбрьсты—народъ очень впечатлительный. И сейчасъ же пугаются:

— А вдругъ Пурпинкевичъ упадетъ въ обморокъ?.. Или сдѣлается ударъ Марса?

И все идетъ на смарку. Сдѣлается:

— Скажите, какъ странный случай!.. Если бы правые могли думатьъ, то, прочтавъ интервью съ А. И. Гучковымъ, они должны были бы воскликнуть:

— Неблагодарны...

И дѣйствительно: кто, какъ не они, всегда прикрывали отступление октѣбрьстовъ?..

Вы только подумайте:

— Что было бы, если бы правые не мѣдили и „не шумѣли“...

Получился бы милейшій пѣжакъ.

Представьте... Засѣданіе Думы. На поѣтъ значится:

— Законопроектъ о неприкосновенности личности.

Общество напряженно ждѣтъ. Корреспонденты пришли лѣжакъ.

На трибунѣ показывается фигура перваго, „автора“ законопроекта Гололобова.

Въ мѣстѣ для публики—тишина. Только какъ-то молоденькая барышня держитъ за руки пожилую даму и шепотомъ спрашиваетъ:

— Мама, это тоже „законополетъ“?...

Правые не мѣдилютъ, и Гололобовъ называетъ:

— Пунктъ 1-й. Личность каждого гражданина.

Октѣбрьсты аплодируютъ:

— Вѣро!... Правильно!... Принять!...

И это неизѣбѣло случилось бы, если бы правые не мѣдили.

Ибо уже сдѣлалось даже троизмомъ:

— Когда октѣбрьстъ бываетъ конституціоненъ?...

— Когда онъ молчитъ въ Россіи или когда онъ говоритъ заграницей.

Поэтому я думаю, что не кивать должнаго октѣбрьсту на „шумы и мѣги“ изъ-за границы.

Октѣбрьсты пришли къ мнѣнію:

— Пунктъ 1-й. Личность каждого гражданина.

Октѣбрьсты аплодируютъ:

— Вѣро!... Правильно!... Принять!...

И это неизѣбѣло случилось бы, если бы правые не мѣдили.

Ибо правые—это иѣхъ единственныя спасители въ Думѣ.

Октѣбрьсты не разъ уже скандировались въ высокомъ собрании.

Но все же они еще могутъ кутаться въ конституціонныя тоги и загадочно улыбаться:

— Мы еще не сказали поѣтъ слово:

— Правые шумятъ и мѣшаютъ.

Но вы представьте себѣ ужасъ октѣбрьстовъ, если бы правые перестали „шумѣть“ и на нихъ нельзя было бы больше ссыпаться.

Представьте себѣ, что было бы, если бы во всѣ ширь развернулись октѣбрьстовъ, какъ гигантъ.

Нѣтъ. Правые только и спасаютъ ихъ.

Ибо, если теперь нельзѧ еще прямо прикупить октѣбрьстовъ вѣрѣмъ словами гравера:

— Зачѣмъ карта въ рукахъ совсѣмъ?

То тогда самыи же октѣбрьсты поѣтъ прикупить расшифроваться и цинично отѣйтъ подобно горьковскому барону:

— Чѣмъ, мѣтъ тебѣ ее въ носъ созѣтъ, что?

Такъ было бы.

Однако, фактъ остается фактъ.

Законопроектъ о неприкосновенности личности мы въ осеннюю сессію не получимъ.

И мы должны только поблагодарить лидера октѣбрьстовъ за откровенность и отнеситься къ его заявленію, какъ къ первому октѣбрьстовскому подарку послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Если помните, то съ этими же благими намѣреніями Дума разѣхалась и на лѣтнюю вакацию.

Эр. Петерскій.

<h

